

ДЖИНА ЛОМБОРДИЖИДА: “Мужчины больше всего любят не женщин, а самих себя!”

Семь Дней. — 1996. — 22-28 сент. (№ 4). — С. 34-35

— У вас настолько звучная фамилия, что русскому уху она кажется псевдонимом.

— Правда? (Смеется!) Но она настоящая, а не придуманная... Если бы ее и не было, то стоило бы придумать. Один советский поэт даже употребил ее во множественном числе, с завистью упомянув зарубежного продюсера, который “щупает лоллобриджид”.

— Не знаю, какого продюсера он имел в виду. Во всяком случае я с таким продюсером не знакома. А если бы кто-то попробовал подобным образом познакомиться, то...

— Да? А вы производите впечатление сдержанной женщины...

— Это комплимент? Я себя вообще не контролирую. Я совсем не дипломатична. Я стараюсь быть корректной, потому что уважаю людей. Но если я по-настоящему разозлюсь или обижусь, у меня перед глазами словно падает занавес и я уже не помню себя. Превращаюсь в фурию. И обрушиваю все, что накопилось...

— Влюбляться без памяти вам тоже приходилось?

— Я всегда сперва влюблюсь, потом спрашиваю себя, зачем я это сделала. И обычно понимаю, что влюбилась совсем не в того, в кого следовало бы.

— У нас говорят: любовь зла — полюбишь и козла.

— Верно говорят. К сожалению или к счастью, любовь — такое чувство, которое заставляет и мужчин и женщин делать то, что им не хочется.

— В советском фильме “Влюблен по собственному желанию” утверждалось, что можно...

— Если бы в кино утверждалось только то, что есть в жизни, зачем бы оно было нужно? Кино рассказывает сказки, в которые хочется верить...

— Верите ли вы в то, что мужчина и женщина в любви могут быть равноправны?

— Нет. Мужчины больше всего на свете любят не женщин, а себя. В любви они не бывают столь щедры, как женщины. Женщина может пожертвовать собой ради любви, мужчина на это не способен. Мужчина всегда рассматривает женщину как свое дополнение, и это действительно так. Когда надо, женщина принимает отличную от мужчины форму, когда надо — растворяется в нем. Когда мужчина слаб, она становится сильной, когда он силен — она слаба. Но мужчина не способен быть дополнением женщины, хотя ей этого очень хочется, особенно в молодости. Мужчина жаждет физической близости, а женщина ждет не только ее, но чего-то большего — защищенности, уюта, дружбы. Но крайне редко получает то, что ей нужно. Во всяком случае дает она гораздо больше, чем получает. Так что разделенная, равноправная любовь почти невозможна...

— Как, по вашему опыту, мужчины реагируют на знаменитую женщину?

— Если женщина имеет успех, известна и к тому же, не дай Бог, красива, она страшно действует мужчинам на нервы. А часто вызывает просто панический страх.

— Вам часто приходилось видеть, как успех портит людей?

— Доводилось. Но это относится лишь к тем, кто лишен внутреннего стержня.

— К вам, как я понимаю, это не относится?

— Я получила суровое воспитание. Видела войну. Уже в двадцать лет была умственно зрелым человеком. Мой сын, родившийся у богатой матери и не знающий, что такое война, повзрослеет на двадцать лет позднее меня. Мне было легко пройти испытание успехом. Человек, который знал голод и нищету, а потом вознесся к звез-

Знаменитая итальянская актриса, фотограф и скульптор во время фестиваля “Лики любви” дала интервью единственному изданию — “Семи дням”.

— Вам пришлось всего добиваться самой. А ведь, наверное, хотелось, чтобы все доставалось даром или приходило в качестве подарка?

— Конечно, хотелось, особенно в юности. Но когда я выходила замуж, мама не могла подарить мне даже платочка. Много лет я была вынуждена сама покупать себе подарки.

— Детские воспоминания обычно самые сильные. Вы помните Италию при фашизме?

— Помню, как мои родители дурно говорили о хозяине дома, который был фашистом. Я стояла в кухне, где стояли бочки с вином, открыла краны и удрала. И только через двадцать лет призналась, что это сделала я. Такой вот детский акт Сопротивления (смеется).

— Немецкая оккупация вас застала?

— Да. Немцы даже жили у нас в доме. Их навязывали на постой. Как-то они при матери заговорили о том, что готовится рейд по горам, чтобы выловить американских десантников. Родители рассказали об этом священнику, и он их предупредил...

— В детстве вы часто ходили в кино?

— Родители мне запрещали. Только на фильмах с Ширли Темпл. Но я все равно бегала, а чтобы меня не заметили, пряталась в кинотеатре за занавесками. Однажды я высунулась, и папа меня накрыл. Он так рассердился, что при всех влепил мне несколько пощечин и потащил домой. До сих пор не могу забыть это публичное унижение...

— Кто был вашим любимым актером?

— Гарри Купер. Мне страшно нравилось, как он целуется. Вы видели “Кинотеатр “Парадиз” Этторе Сколы?

— Хотите сказать, что это киноправда?

— Абсолютная! Я сама просила киномеханика вырезать для

меня кадрики с поцелуями Гарри Купера. Тогда я и представить себе не могла, что когда-нибудь не просто увижу его, а познакомлюсь с ним...

— Когда мне было 15 лет и у меня под стеклом на столе лежала вырезка с вашим портретом из польского “Фильма”, я тоже и представить себе не мог, что познакомлюсь с Джиной Ломбордиждой...

— (Смеется.) Купер так же смеялся, когда я за обедом в Голливуде рассказала ему про эти вырезки. У меня до сих пор сохранилась эта коллекция. Чудом уцелела во время бомбежек, во время нашего бегства, когда мы двенадцать дней добирались до Флоренции, ночевали в пустых домах, на обочинах, прятались в винных бочках. А однажды проснулись от тишины и услышали рокот американских танков...

— Вы начинали кинокарьеру в весьма пуританские времена. Надо полагать, что реакция на вашу сексуальность была не только восхищенной?

— Что вы! Когда я начинала, в итальянском кино был невозможен даже самый невинный поцелуй. По поводу “Кукол”, где я снялась, пять лет шел судебный процесс. Из-за одной любовной сцены, где я была закутана в простыню, а мой партнер и вовсе был одет. Как можно в таком виде заниматься сексом? А нас обвиняли в том, что мы совершили любовный акт в общественном месте! Дикость какая-то. Я была вынуждена ездить на судебные заседания, потому что иначе меня доставили бы силой. Обвини-

тели хотели публично унижить не только режиссера и продюсера, но и нас. Однако времена менялись так быстро, что приговор так и не был вынесен.

— Времена и нравы менялись к лучшему?

— Нет, я бы этого не сказала. Искусству не нужна полная открытость. Чем больше волнует — нагота или полубогаженность? Раздевание всех и вся не имеет ничего общего со свободой выражения. Неприкрытость “Основного инстинкта” мне претит...

— А успех актрис, выставяющих напоказ свое тело, кажется вам дешевым?

— Чтобы раздеться, много ума не надо, как не надо много актерского мастерства, чтобы изобразить оргазм. Если уж на то пошло, я предпочитаю Чиччолину*. Она-то по крайней мере отработала свою известность!

— Попотеть ей пришлось, это точно. Последний вопрос: какой фильм о любви произвел на вас наибольшее впечатление?

— До сих пор нахожусь под воздействием фильма “Козий рог”**, хотя прошло уже много лет с тех пор, как я его увидела и настояла на том, чтобы ему дали приз фестиваля, где я была в жюри. Там с поразительной силой показано, как в девочке просыпается женщина...

Виктор МАТИЗЕН
Беседа состоялась при любезном содействии
Марка РУДИНШТЕЙНА

*Чиччолина (Илона Сталлер) — итальянская порнозвезда, однако время бывшая депутатом парламента.
**Фильм рассказывает о взрослении болгарской девочки, из которой отец пытается сделать мстительницу за изнасилованную и убитую турками мать.